

Клим Полин

КОРОЛЕВЫ

починяя снасти, сказывали
о богах

Клим Полин

**Королевы. Починяя
снасти, сказывали о богах**

«Издательские решения»

Полин К.

Королевы. Починяя снасти, сказывали о богах / К. Полин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835405-2

На Острове появляется таинственный культ Поднятой руки. Он движется с севера, а впереди него идет туман, подчиняющий культу разум людей. Мужчины всего Острова сходятся в столицу, чтобы противостоять распространению тумана. В это время в крошечной рыбацкой деревушке, где остались лишь женщины, королева племени узнаёт от колдуньи о пророчестве: женщина из их деревни должна стать избранной, которая сможет победить культ.

ISBN 978-5-44-835405-2

© Полин К.
© Издательские решения

Содержание

1 Бессонная ночь королевы	6
2 Женщины в Зале Совета	8
3 Женщины решают, что им делать	11
4 Ажа узнает пророчество о Королеве, которая должна родиться, чтобы спасти Остров от культа Поднятой руки	12
5 Ажа рассказывает всем о пророчестве	14
6 Шесть королев	16
7 Майхрамо и измена	19
8 Мира завидует королевам	21
9 Ажа хочет услышать мнение второй колдуньи	23
10 Ажа думает о Богах за Гранью	25
11 Одна из шести королев погибает от рук Миры	27
12 Еще одна бессонная ночь королевы	30
13 Суд	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Королевы Починяя снасти, сказывали о богах

Клим Полин

Моему сыну

© Клим Полин, 2018

ISBN 978-5-4483-5405-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1 Бессонная ночь королевы

Птица заглядывает к Аже домой. Она сидит на подоконнике, заигрывая одним черным глазом, похожим на шляпку гвоздя, а цветной хвост ее прекрасен в первом солнечном луче. Ажа сидит в раздумьях в своем любимом кресле у окна, вид из которого открывается самый успокаивающий – гладь озера Шиф. Тело птички кажется немного смешным и словно говорит – «Ажа, поймай меня». Но королеве сейчас не до игр с птицами. Ажа смотрит на себя без зеркала. Без зеркала поправляет волосы, куски одежды. Она была не в себе еще полчаса назад. Рвала, метала, падала и вновь вставала. Ажа полновата, но весной так с ней бывает всегда. И хотя волосы ее все еще черны, Ажа уже давно немолода, ей почти пятьдесят. Такой возраст говорит о величии. Никто ее пальцем не тронет, никто косо не посмотрит. Целитель тут как тут: даже царاپине не даст покраснеть больше положенного. Она богата, так как ее муж – вождь этой рыбацкой деревушки, наименование которой непривычно длинно для этого региона – Майахрамо. Не только вид из ее дома прекрасен, но и сам дом – лучший в деревне. Он большой, зиккуратный. Он самый прочный, самый светлый и чистый, самый безупречно украшенный. У Ажи есть три служанки. Сейчас они спят в пристройке. Но Ажа, как бы не хотела тоже лечь спать, не может последовать их примеру. Ее одолевают мысли. В ней их так много, что трудно собрать их воедино и понять, что делать. Для этого нужно не просто время, но внешний импульс, тональность, может быть – даже приятный запах. Еще на прошлой неделе они праздновали первые месячные единственной дочери Миры. Ее муж и отец Миры, Ага, собрал гостей, и все праздновали вместе с их семьей. Всем было весело и хорошо. Миру красиво одели, попросили петь и танцевать: девочка делала и то, и другое замечательно. Все гости были в восторге от Миры. Но отдать замуж свою дочь Аге не удалось, потому что сегодня утром все мужчины покинули Майахрамо. Все до единого. Таков был призыв верховного вождя. На призыв следовало откликнуться незамедлительно. Ослушаться значило обречь себя на смерть. Представить себе смерть Ажа не могла. На ее памяти всего два раза созывали всех мужчин разом. Однажды, когда она была еще совсем маленькой, даже меньше Миры, ее отец и все мужчины деревни, достигшие четырнадцати, отправились на всеобщий созыв, чтобы принять решение касательно выбора нового вождя. До того дня власть переходила от отца к сыну, но эпидемия чумы не пощадила всех мужчин царской семьи. И поскольку все весьма опасались бунтов или междоусобных войн, было принято решение выбрать нового вождя всем мужчинам Острова. Подразумевалось, впрочем, что в случае неудачи состоится битва, а потому наличие всех способных держать оружие также было оправдано. Второй раз всеобщий созыв произошел около десяти лет назад, когда на остров прибыли и даже высадились несколько сотен чужеземцев. Оказалось, в итоге, что они слабо вооружены и совсем не планируют развязывать войну. Едва получилось объясниться и понять, что они ищут путь куда-то на восток, туда, где, с их точки зрения, есть некая богатая земля. Купцы из чужеземной страны хотели покупать там какие-то богатства и потом везти продавать их у себя на родине. Поскольку такой земли, конечно же, к востоку нет, потому что там есть лишь Грань, за которой живут Боги, то вождь Острова указал им путь обратно на запад. Чужеземцы уплыли и больше никогда не возвращались.

И вот вчера снова в Майахрамо прибыл гонец с требованием явиться всем мужчинам в столицу. Причину он сообщил лишь Аге, поскольку Ага был вождем. Но тот, конечно, сразу рассказал обо всем жене. Ажа уже знала, что на севере острова появился некий странный культ, который все именуют культом Поднятой Руки. Этот культ уже подмял под себя семь крупных деревень и насчитывал, соответственно, уже более двадцати тысяч последователей, что являлось значительной угрозой для спокойного уклада жизни всего Острова. Говорили так же, что с севера идет странный туман. Так и распространяется культ. Приходит туман, и человек либо

умирает в нем, задыхаясь, либо превращается в последователя культа. Все говорили о нем, все боялись его, все страшились прихода тумана.

Необходимо было решить, что делать с этим культом и его последователями. Особенно необходимо это было потому, что на севере племена всегда были весьма воинственны и более способны к войне, нежели жители центральной части Острова, или, тем более, южане, к которым относилось и племя Ажи. Ага поведал жене, что армия культа выдвинулась южнее своих границ. Поэтому он должен уйти и забрать с собой всех боеспособных мужчин, включая их сыновей: Тара, Мита, Сая, Гожа и Тога. Имена сыновей и дочерей всегда начинались с согласной, если имя отца начиналось с гласной. И наоборот.

Если внимательно присмотреться к комнате Ажи, то можно увидеть, что ее хозяйка, хоть и была привычна к удобствам и хорошим изделиям, все-таки не стремилась к роскоши. Нет, не стремилась к роскоши совсем! Ажа не понимала, что такое роскошь. Отдельные вещи, которые ей нравятся, всегда оказывались в ее владении. Но не более того. Она не заботилась об интерьере так же, как никогда не заботилась о внешнем виде. Просто выбирала красивую одежду, которая ей нравилась. Просто надевала красивые серьги, которые ей нравились.

Ажа всегда считала, что лучше быть цветком, чем пчелой. Покидать улей, бросаться в путешествие, сулящее невозвращение – нет, это было Аже не по душе. Лучше быть цветком. Просто расти на месте, становиться краше, сильнее и выше. Да, думала Ажа, лучше быть целью и источником. Во-первых, так практически исчезает риск потерять что-либо, в том числе и себя самого, что часто происходит на пути к чему-то. Во-вторых, источник и цель нужна всем, а потому и уничтожить его до конца – в чьих это интересах? Конечно, никто не пожелает лишать себя цели и источника. Ажа была целиком и полностью на стороне надежности. К тому же, никто не запрещает вертеться на месте во все стороны. Тут опять-таки несколько плюсов. Во-первых, ты становишься более хорош в том, кто ты есть на самом деле, не растрачивая время попусту на туманные возможности, скрываемые дальними дорогами. Во-вторых, мир меняется вокруг нас достаточно часто и много, чтобы быть этим удовлетворенным, а значит счастливым. Ажа всегда хотела быть счастливой. Мужчины часто думают иначе. Ага, ее муж, как мужчина и как везучая пчела, прибыл в Майхрамо из далекого племени в центре Острова. Ему повезло. Он нашел свою цель, не потерявшись в путешествии. Но так везет далеко не каждому. И хотя она ожидала такого же поведения от своих сыновей, никогда не одобрила бы такого их выбора. Красивый цветок на крепкой ножке, вот чем она себя считала.

Ажа долго сидит в кресле, подперев голову руками, упираясь локтями в колени. Она долго сидит так, размышляя. Наконец приходит утро. Тогда она выходит из оцепенения и вскакивает. Колени ее – два красных пятна – вспыхивают, словно зардевшись. Ей срочно нужно что-то решить. Ей нужно идти в Зал Совета. Туда, куда каждое утро уходит ее муж Ага и другие мужчины. Ей нужно быть там, она это понимает. Теперь в Майхрамо нет мужчин, которые могли бы за нее решить, что делать.

2 Женщины в Зале Совета

Ажа долго одевается. Три служанки помогают ей и ее дочери Мире. Мира, в отличие от матери, принимает первое же протянутое платье, быстро справляется со всеми застежками и убегает играть на веранду, куда уже пролилось утреннее солнце. Одна служанка уходит вслед за девочкой, чтобы проследить за ней, а также приготовить еду. Все девушки покорно молчат, но Ажа чувствует, что они очень беспокойны. От них прямо-таки веет беспокойством. Она не только видит это в их глазах, она чувствует это в их движениях и прикосновениях, когда они одевают ее. Девушки впервые видят такое, чтобы все мужчины покинули племя. Они еще слишком молоды, все, кроме Бары.

Ажа долго одевается, потому что ей не нравится все, что ей подают. Ей кажется, что сегодня ей все не идет, все не подходит, будто ей принесли чужие одежды. По лицу ее сейчас можно изучать недовольство королевы. Что за женщина жила здесь ранее? Эти все одежды никуда не годятся! Но нет, Ажа понимает, что никто здесь раньше нее не жил, и что все эти платья – ее и ничьи больше. Но вот она сейчас – совсем-совсем другая. И никто не замечает этого, кроме нее. Или замечает? Так или иначе, в доме все молчат. Даже кошка Пуйа.

Наконец-то Ажа выбирает одежду. Пусть она и не подходит ей сегодня, пусть ей будет некомфортно. В конце концов, она осознает, что дело не в одежде: что бы она сейчас не выбрала, все будет ей не к лицу, во всем ей будет сегодня неловко. Ажа решает смириться с этим и просто начать день.

Завтрак, как всегда, очень аскетичен. Аже не нравится еда, которая ей всегда обычно нравится. Даже не так. Она обычно просто не думает о еде. Она не из тех, кто испытывает наслаждение от еды. Так же, как и с вещами и украшениями, она просто ест, не думая о том, как это выглядит и как это пахнет. Но сейчас, она чувствует, что еда не вкусная. Каждый кусок дается ей с трудом, и она решает прекратить трапезу, не доев. Такое с ней происходит редко, и служанки это сразу замечают. Они ютятся рядом, как летний пух, прибываемый ветром к стене дома, пытаясь понять, что не устроило королеву, и чего она, возможно, желает вкусить вместо своего обычного ежедневного завтрака. Ведь порой, знают они, даже королеве становится как-то не по себе, нехорошо. Может быть самочувствие ее требует сегодня иной пищи? Но нет, Ажа просто не хочет есть. И служанки покорно отступают. Они все еще пытаются понять, чего ждать от Ажи; девушки стараются уловить ее настроение. Самая опытная из них, шестидесятилетняя Бара, замечает, конечно же, что Ажа не спала этой ночью. Это видно по глазам королевы: они покраснели, а под ним явственней обычного очерчены серые круги. Мира уже давно поела и играет с куклой на полу. Ей четырнадцать, но она еще ребенок. Ажа не была такой в ее возрасте. Ажа была женщиной в ее возрасте. Она уже была королевой, когда ей исполнилось четырнадцать.

Ажа смотрит на дочь, трогая длинными стареющими пальцами чашки и тарелки, переставляя их то туда, то сюда. Она пытается представить себе, как все было бы, если бы мужчины не ушли из деревни. Мире очень подходил в мужья Гажа. Гажа, которому недавно исполнилось тридцать два года, вернулся из столицы в прошлом году. Он участвовал там в Играх и занял второе место, что порадовало вождя Агу и всю деревню, которая так редко могла похвалиться перед остальными чем-то, кроме рыбы и умения ее ловить. Мира видела Гажу несколько раз, и Аже кажется, что он ей нравился. Впрочем, Мира этого ни разу не сказала, потому что ее ни разу не спросили.

Ажа стирает длинные постаревшие руки к дочери и та, уронив куклу, с радостным смехом бросается в объятия к матери. Все-таки, даже она, ребенок, чувствовала, что с Ажей что-то не так. И Мире сейчас – ощущает всем телом королева – хорошо от того, что мать проявила свое обычное чувство по отношению к ней: ласку и нежность. Но служанок не прове-

дешь. Они наоборот чувствуют с нарастающей амплитудой нервозность, в которую так неловко пытается вплестись утренний свет, пролитый на веранде.

Посуда и недоеденная еда исчезают со стола. Вместо них появляется широкий таз, в котором стоит плотная и приятная, прохладная вода, украшенная лепестками цветов. Королева моет руки своей дочери, умывает ее лицо. Потом умывается сама.

Пора, думает Ажа и встает. Стул скрипит, и Ажа это замечает. Обычно она не обращает внимание на такие вещи, как звуки мебели. Сейчас она с удивлением понимает, что эти звуки были вокруг нее всегда. Да, ведь они не появились из ниоткуда именно сегодня. А значит дело не в стуле и не в звуках. Дело, опять-таки, только в ней. Вспомнив об этом еще раз, она неловко и брезгливо поправляет на полноватом теле неудачно выбранную одежду и выходит из дома, сопровождаемая Барой.

Далеко идти не приходится, потому что Зал Совета находится в доме напротив. Он низок и построен в форме круга. Рядом с дверями уже толпится кучка женщин. Ажа останавливается на полпути. Женщины замечают приближение королевы и оборачиваются в ее сторону, покорно склонив головы. Все они, все эти жены своих мужей, пришли сюда этим утром, понимая, что должны прийти. Поскольку исход мужчин являлся настолько редким, вопиюще необычным случаем, никто и никогда не удосужился принять никакого решения касательно того, как управлять деревней, когда в ней нет ни одного мужчины. Это просто не сочли чем-то необходимым. Тем более удивительно, подумала Ажа, что все эти жены своих мужей пришли сегодня сюда в Зал Совета, туда, куда каждое утро приходят всегда их мужья. Они пришли сюда по наитию, интуитивно почувствовав, что должны быть здесь, должны занять места мужчин, или хотя бы услышать от королевы, что им делать и как теперь нужно жить.

Ажа преодолевает последние несколько шагов, плавно входит в расступившуюся толпу женщин и открывает двери Зала Совета. Это дается ей легко, хоть она и не прикасалась к ним никогда в своей жизни. Она почему-то не чувствует никакого сакрального трепета, не чувствует она также ни страха, ни волнения, а только жалость к себе и к этим несчастным, окружившим ее. Все эти цветы на твердых ножках, такие разные, но всегда такие уверенные и прямые, сейчас казались потерянными и даже слегка увядшими, склоненными к земле не столько в почтительном поклоне в сторону королевы, сколько от страха перед неизвестностью. И двери Зала Совета в этом смысле были не просто проходом в дом, где они должны были обсудить, что им делать, нет-нет: это был проход в новый мир, новую жизнь женщин, которых на неизвестное время лишили опоры. Кто знает, сколько это продлится? Может быть их отцы, мужья, братья и сыновья вернутся через неделю, – ровно семь дней занимает путь до столицы и обратно. А может быть, они вернутся через две недели? Через месяц? А вдруг их не будет дома еще дольше? Столкнувшись с тем, чего не бывало никогда, человек приписывает случившемуся преувеличенные характеристики. Так, увидев на глади озера невероятной силы всплеск, невиданный ранее, рыбак думает о том, что там не просто большая рыба, но, может быть, некое подводное чудище, которое при иных обстоятельствах не прочь утянуть рыбака на дно и полакомиться им. И, хотя этот рыбак понимает, что, скорее всего, там всего лишь рыба, пусть и большая, но правит лодкой уже менее уверенно.

Так и сейчас, женщины входили в Зал Совета вслед за своей королевой, не зная, что их ждет, успокаивая себя, что мужчины скоро вернутся, но думая о худшем. Следует также принимать как данность и то, что думать о худшем, как и бояться вообще, это тоже в характере женщин. Ажа это понимала. Хотя, нужно повториться, она не испытывала страха. Пока что она испытывала только жалость к себе. Ей не хотелось прожить этот день, не хотелось быть здесь сейчас в такой ситуации и, уж конечно, ей было противно думать о дне завтрашнем.

Ажа сразу узнала место мужа. Вдоль стен стояли одинаковые стулья: ровно пятнадцать. Но один, прямо напротив входа, отличался от остальных. У него была высокая спинка, на которой была высечена умелой рукой плотника красивая рыба, словно бы вынырнувшая из сидения

и готовящаяся вот-вот упасть обратно. Королева полюбовалась какое-то время рыбой и заняла свое место. Практически в полной тишине пятнадцать женщин стали занимать оставшиеся стулья: слышался только шорох платьев и звон длинных сережек. Никто из них, как и Ажа, никогда не бывал в Зале Совета, а потому никто не знал, где именно сидят их мужья. Интересно, подумала Ажа, наблюдая за тем, как женщины немного неловко занимают места, как именно они выбирают сейчас где сесть? Наверняка кто-то садится к ней поближе потому что считает своего мужа более важным членом племени, чем остальные: с выбором некоторых таких женщин она, безусловно, была согласна. Некоторые же, похоже, выбрали свой стул, исходя из соображений удобства и личного предпочтения. Кто-то стремился сесть подальше, кто-то поближе к выходу. Ажа улыбнулась впервые с прошлого вечера, подумав о том, как, наверное, странно это выглядело бы со стороны мужчин. Наверняка эти напуганные, но стремящиеся этого не показать, женщины сели не на свои места, в том смысле, что мужья их сидят, скорее всего, на других стульях.

Наконец шорох платьев стих и в Зале остался лишь звон сережек: женщины оглядывали друг друга и посматривали на королеву, ожидая, что она им сообщит. Ажа не стала тянуть время.

[Ажа рассказывает женщинам о том, что ей поведал ее муж и вождь племени Ага]

3 Женщины решают, что им делать

В Зале Совета снова тихо. Ажа закончила свою речь. В самом начале она была совсем не уверена в том, что всем этим женщинам говорить, а главное – как. Они не были ее подругами. У нее никогда не было подруг, по крайней мере, с тех пор, как она стала королевой – а это вся жизнь. Да, когда-то в детстве она играла с другими девочками, но никого из них уже не помнила. Она, кажется, даже не была уверена в том, сможет ли она вспомнить, кто это был, если постарается уделить этому свое время и внимание. Наверняка, она не узнает никого из тех детских подруг среди окружающих ее в жизни женщин. Может быть, даже сейчас, среди этих пятнадцати, тоже были ее детские друзья? Но нет, она даже не пытается присмотреться и угадать, – это ее не волнует, как и никогда не волновало.

В начале ее речь могла показаться сбивчивой и неподготовленной. Впрочем, Ажа действительно не готовилась. А вот сбивчивость она быстро преодолела и стала говорить громче, уверенней и с расстановкой. Так говорил ее муж Ага, когда хотел наказать ей или служанкам сделать что-то. Женский совет молчал и слушал ее. Женщины ловили каждое ее слово, скорее всего, надеясь услышать не только новости, сообщенные королеве вождем племени, но и что-то обнадеживающее. Ажа смотрела на них и понимала, что эти пятнадцать женщин ждут от нее вполне определенных слов, чего-то вроде: «они скоро вернуться» и «такое уже бывало, и все было хорошо». И королева действительно скала второе, впрочем, так и не сказав первое: разве она была вправе говорить такое? Врать им, разве она могла себе такое позволить? Она действительно не знала, скоро ли вернуться мужчины, и как бы сильно она не хотела сейчас оказаться на месте любой из этих пятнадцати, чтобы скинуть с себя бремя правды и реалистичного взгляда на будущее и погрузиться в мир надежды, окружающий людей, лишенных ответственности за жизни других: как бы сильно ей этого не хотелось, она все так же основательно чувствовала свое место. Ажа ощущала спиной резьбу в форме рыбы на спинке своего стула и власть с этим сопряженную.

Потом, после паузы, она спросила, готовы ли они принять на себя обязанности своих мужей на время их отсутствия, и все единогласно выразили готовность. Кто-то, впрочем, с неохотой, а кто-то даже с неприкрытым страхом. Но Аже этого хватило. С неохотой и страхом можно было справиться потом, постепенно. Сейчас нужно было установить новый, пусть и временный, порядок. И каким-бы неестественным он ни был, он все-таки был необходим. Всем им без исключения нужно было его принять. В этом Ажа была уверена.

Королева поблагодарила всех и попросила снова вернуться в Зал Совета после обеда, а до этого – всем стоило разобраться в том, чего именно от них требовала деревня. Каждому из этих цветов следовало взвалить на себя ношу своих мужей. Кто не справится, строго сообщила королева, будет заменен немедленно. Потому что жизнь продолжается, и деревня должна жить и процветать до прихода мужчин, чтобы, когда они вернулись, им не пришлось краснеть, рыдать и прятать глаза от стыда. Ажа особенно подчеркнула это в своей речи, потому что на самом деле, говорила она не о стыде, но о выживании. Если принять худшее будущее за данность, медлить нельзя. Порядок есть порядок. Многие – она видела – поняли ее.

Королева встала и вышла из Зала Совета, который тут же снова наполнился шорохом платьев и звоном длинных сережек. Все почтительно молчали до тех пор, пока не покинули дом. Ажа стояла рядом со своей старой служанкой у выхода и провожала взглядом разбегавшихся женщин. Сейчас, думала она, их головы будут на некоторое время заняты делом. По крайней мере, у многих из них. Всем им сейчас нужно как можно больше делать, и как можно меньше думать. Королева кивнула самой себе, опираясь на эту мысль, повернулась и пошла домой.

4 Ажа узнает пророчество о Королеве, которая должна родиться, чтобы спасти Остров от культа Поднятой руки

Дома Ажу ждет дочь, но королева холодна и не проявляет к дочери ласки. Сейчас ей не до нежности: девочка вполне может справиться сейчас и без нее, все-таки ей уже четырнадцать. Ажа садится за стол на веранде. Ей не хочется идти в комнату, не хочется садиться в то кресло, в котором она провела прошлую бессонную ночь, одну из худших ночей в своей уже долгой, но очень спокойной жизни.

Что она на самом деле сейчас чувствует? Она прожила так много лет. Она всегда была королевой. Но ощущала ли она это по-настоящему? Ощущала ли она свою власть? Да и была ли она у Ажи, эта власть? Пожалуй, что да, была. Но она была скорее женой вождя, чем королевой. Всегда – жена вождя, всегда при нем. Всегда – его. И никогда, так она сейчас понимала, никогда она не чувствовала себя по-настоящему королевой. Потому что она не принимала решений. Ага всегда принимал их, не она. Бывало, что он говорил с ней. Иногда он спрашивал ее о чем-то, просил совета. Но не более того. Никогда она не воспринимала это как инструмент влияния, как нечто, чем она обличена свыше, а не просто на что-то способна. Проще говоря, у нее всегда было право, но она никогда им не пользовалась, потому что в этом не было никакой необходимости. Она сама не желала этого права. Вскормить и воспитать детей, позаботится о муже – вот, что ее занимало и что приносило ей удовольствие. Принимать решения – какое в этом удовольствие? Поэтому-то она и не чувствовала себя королевой. Каждый день десятки раз ее так называли люди, но она никогда не задумывалась о значении этого слова. Что это значит – быть королевой? Видимо, стоило больше уделять внимание делам мужа, чаще слушать то, о чем он говорит, чаще спрашивать самой о том, почему он нахмурен, чем расстроен, а когда он отмахивается от нее рукой (никогда со злостью, но как от мелкого зверька), – не отворачиваться покорно, а настойчиво добиваться ответа. Кто знает, может быть Ага и хотел бы, чтобы она не отвернулась, чтобы она все-таки добилась своего, и чтобы он ей рассказал о том или ином деле. Вдруг ему этого всегда хотелось, с ужасом подумала Ажа! Она начала судорожно вспоминать конкретные случаи, но, как всегда бывает в таких ситуациях, они либо ускользали от нее, как дым, либо толпились в виде шумных неопределенных образов, никак не похожих на то, что она сейчас так истово искала. Выходит, ужасалась она, может выйти, что она была плохой королевой?

В дверь постучали, и Ажа с благодарностью посмотрела в сторону входа. Бара быстро оказывается там и выглядывает наружу. Потом много раз кланяется и отступает в сторону, пропуская внутрь согбенную старуху в изодранных лохмотьях. Ажа встает и тоже кланяется колдунье Еве. Никто не знает, сколько Ева уже прожила на свете, но Ажа помнила ее всегда. Казалось, даже тогда, когда королева еще не стала королевой, колдунья уже выглядела так. Впрочем, может быть, Аже это просто казалось.

Ева села за стол напротив и знаком попросила воды. Бара мигом принесла полную чашку и, взглянув мельком на королеву, убежала в комнату. Колдунья долго смотрела на Ажу, а потом долго и жадно пила: капли стекали по ее подбородку и падали на сухой, гладкий, чистый стол. Ева никогда не приходила просто так. Если Ева пришла, значит она что-то видела и готова сообщить пророчество. Пророчества Евы сбывались. Поэтому королева покорно ждала, почти не рассматривая колдунью. Ажа не была уверена в том, что именно она сейчас чувствует. Ей хотелось, наверное, верить, что Ева расскажет ей что-то обнадеживающее. Но в глубине души она понимала, что колдунья, которая никогда до этого не приходила с хорошими новостями, вряд ли пришла с ними сейчас.

Допив свою воду, колдунья поставила чашку на стол и смахнула черной рукой пролитую воду со стола. Потом она заговорила.

[Колдунья Ева сообщает королеве пророчество о новой королеве]

Ажа молчала. Она молчала все время пока говорила колдунья. Молчала, провожая ту взглядом, когда она уходила прочь. Договорив, Ева ничего не попросила и не потребовала ответа. Она просто ушла. Бара выглянула на мгновение на веранду и даже попыталась жестом руки спросить по поводу обеда, но почувствовав состояние королевы, тут же снова скрылась из виду. А королева смотрела сейчас внутрь себя. Она снова попыталась представить себе, как воспринял бы это пророчество Ага, но не смогла. И если утром она пребывала в израненном состоянии, абсолютно лишённая опоры и знаний о том, как и что теперь делать, то сейчас, когда Ева ушла, королева почти физически ощущала, как тело ее обрастает новой кожей. Это еще не была плотная кожа, способная защитить хозяйку от укусов врагов и нападений извне, но все-таки это уже было что-то: она словно отступила на шаг назад, отклонилась и исподлобья рассматривала то, что ей предстояло. Такая новая, словно из ниоткуда явившаяся защитная способность обрадовала Ажу. Значит, она может меняться. Значит, для нее не все потеряно, и, хорошенько поразмыслив, она сможет сделать что-то стоящее, а, возможно, и что-то правильное, чтобы удержать мир, окружавший ее и ее людей, хотя бы в относительной целостности.

Образ колдуньи словно бы застрял в дверном проеме, как призрак, и королева, рассматривая его, перебирала в голове те слова, которые та произнесла. Стоило разделить пророчество на две части, подумала королева. Во-первых, мужчины не вернуться. По крайней мере, в ближайший год. И, как сообщила Ева, возвращение их целиком и полностью зависит от них, женщин, оставшихся в деревне. Что это значит? Ева не сказала, а Ажа не понимала. Значит ли это, что их мысли и действия сейчас тоже могут повлиять на возвращение или невозвращение мужчин? Или колдунья просто имела в виду, что они должны сделать что-то конкретное, чтобы помочь мужчинам вернуться? Во-вторых, культ Поднятой руки будет становиться все сильнее. Его не смогут остановить, и он будет распространяться. Впереди него будет идти туман, подчиняющий умы, либо уничтожающий непокорных. Уничтожить этот туман и культ может только один человек, а именно – женщина, рожденная в их деревне. Сейчас она, судя по всему, еще совсем мала. Ева сказала, что не видела, кто это конкретно, но она точно знает, что девочке сейчас пять лет: она видела празднование пятилетия.

5 Ажа рассказывает всем о пророчестве

Ажа попросила Бару найти всех пятилетних девочек в деревне и привести их в Зал Совета с матерями вместе. Потом она попросила подать обед, но снова едва прикоснулась к еде. Знакомая ей пища оставляла ее равнодушной, хоть в этот раз и не вызывала отвращения. Мира же, наконец-то приняв тот факт, что мать изменилась и что-то действительно происходит, в отличие от утренней трапезы сейчас следовала примеру Ажи, и печально ковыряла еду на тарелке, за десять минут проглотив всего несколько кусков.

Бедная девочка, подумала королева. Она – ее дочь. И она всегда желала Мира только самого лучшего, всегда оберегала ее. Но разве можно уберечь от такого? Что если этот мир, резко сошедший вчера со своего места, на него уже никогда не встанет. Ажа познала мужчину, познала жизнь, познала рождение и взросление детей. Познает ли все это Мира? Есть шанс, что да. По крайней мере, так сказала колдунья Ева. И, главное, в этом нужно себя уверять, чтобы не сойти с ума.

Ужасная ночь, да, действительно ужасная ночь. Но разве день выдался лучше? Разве все не становится только хуже? Аже сильно захотелось спать. Она внезапно почувствовала насколько была вымотанной и уставшей. Но на сон у королевы сейчас нету времени. На полу у двери села птичка, кажется, та самая, прилетавшая к окну Ажи сегодня на рассвете. Сейчас она уже не так красива и не кажется игривой. Она просто смотрит внутрь, надеясь разглядеть еду, но видит вместо нее лишь преграду на пути к ней – людей, которые ее пугают. Ажа встала, и птица улетела, сорвавшись с места. Королева опешила и даже оперлась руками о спинку стула, потому что ноги ее вдруг покосились: стареющей женщине показалось, что маленькая птица словно взорвалась, таким сильным и мощным выглядел взмах ее крыльев: так их маленький мир вчера ночью сорвался со своего места, напуганный тем, что его пугало.

Ажа в сопровождении Бары снова вышла на улицу и пошла к Залу Совета, у которого уже собрались пятнадцать жен мужчин, входивших в совет племени. Также неподалеку сидели еще несколько женщин, у которых в ногах порхала стайка совсем еще крошечных девочек. Королева поняла, что это те самые пятилетние девочки, одной из которых уготована участь стать новой королевой, единственной, способной сберечь их Остров от ужасного культа. Ажа почувствовала нежность ко всем эти маленьким созданиям. Ту самую нежность, которую она когда-то чувствовала и к своим детям, когда им было столько же лет. Но сейчас ей нужно решить, что с ними делать. Ведь, сразу поняла королева, одной из ее первейших задач должно стать сохранение их жизней по крайней мере до прихода мужчин. Ничего не должно случиться с ними, ничто не должно им грозить, никто не может поднять на них руку или дурной взгляд. Одна из них – кто же? – их единственная надежда.

Проходя мимо пятнадцати, чтобы зайти в зал Совета, Ажа не могла не отметить, что большинство женщин несло на своих лицах уверенность и осознание того, какое бремя им предстояло на себя взвалить. Ее не обрадовало это, то есть, она не испытала радости, но это ее приободрило, ведь ей так не хотелось нести ношу в одиночестве. Вот чего она страшилась, – одиночества. Не только того одиночества, которое сопряжено с отсутствием ее мужа Аги, но и одиночества вообще. Совет пятнадцати нужен был ей не просто для того, чтобы принять то, что все ожидали от нее, но для того, чтобы чувствовать, что кто-то еще печется о жизни деревни и о людях, и что не только от нее зависит разом усложнившийся и расшатанный мир. Она проходила мимо женщин и почти специально старалась касаться их одежд и опущенных рук, рук, которые могут помочь ей поддержать расшатанный мир и не дать ему рухнуть.

Когда все расселись по своим местам – Ажа обратила внимание, что женщины запомнили свои места и заняли их, в отличие от утренней встречи, очень быстро – королева взяла слово

и попросила, чтобы каждая женщина отчиталась о том, чем занимался ее муж, и чем каждой из них теперь предстоит заниматься.

[Жены мужчин, входящих в Совет по очереди рассказывают королеве о своих новых обязанностях, которые ранее исполняли мужчины]

Ажа осталась довольна. Когда села последняя из пятнадцати женщин, королева чувствовала себя очень уверенно. Ночью она была на грани смерти. Утром – сама не своя. Потом она ненадолго пришла в себя, но затем была сражена новостью о пророчестве Евы. Затем она вновь успокоилась, в основном потому что, именно благодаря пророчеству обрела некие отметки-флажки, заалевшие в будущем, на которые хотя бы можно было ориентироваться. И вот сейчас, выслушав женский Совет, она впервые почувствовала уверенность. У них получится, подумала Ажа. Да, у них действительно может все получиться, и ей, видимо, есть на кого положиться. А ведь она на самом деле и не знала по сути никого из этих женщин. Она всегда жила в своем мире, с Агой, детьми и служанками. Она никогда ни с кем не общалась, не знала даже порой про ту или иную женщину, чья она жена, чем живет, о чем думает, и какие заботы одолевают ее, ее мужа и семью. Теперь эти знания, не просто казавшиеся ей ранее лишними, но просто не существовавшие, помогли ей обрести относительную гармонию. Да, знала Ажа потому что знала многое о мире, гармония вещь непостоянная, и эта, почти наверняка, не исключение. Но королева была благодарна Богам и за это.

Пока женщины вставали по очереди и говорили, Ажа внимательно слушала их, но еще более внимательно – рассматривала. Она улавливала все: будь то волнение, или страх, или самоотверженная готовность жертвовать. Она видела, как за спиной каждой из этих женщин, там, где на самом деле была стена, возникали их семьи, их дома и очаги, она видела, как у их ног рассыпались детские игрушки и пары длинных сережек, разбросанных утром в момент выбора внешнего вида на сегодня. Она проникалась к каждой из них сочувствием и странным доверием, которое раньше не испытывала ни к кому, кроме Аги и, пожалуй, Бары. На самом деле ей несказанно повезло. В ее возрасте и с ее образом жизни, доверие не входит в перечень того, что ты можешь почувствовать столь быстро. Обычно этому приходится долго и болезненно учиться. Впрочем, не только в ее возрасте.

Так или иначе, королева сделала следующий вывод: по крайней мере сегодня все эти женщины готовы к тому, чтобы удержать размеренную жизнь деревни в своих руках. По крайней мере сегодня они не подведут ее. Сделав вывод, Ажа решила поделиться со всеми пророчеством, которое услышала ранее от колдуньи.

[Ажа делится со всеми пророчеством Евы]

В полной тишине открылась дверь и в Зал Совета вошли дети. Это были маленькие девочки. Их было шесть. Все без слов поняли, кто стоит перед ними. Дети интуитивно вышли в центр зала и стали там, с любопытством озираясь по сторонам и рассматривая богато одетых женщин. Особенно часто они взирали на королеву. Ажа улыбалась им приветливо и нежно. Но большинство женщин смотрели на девочек со страхом. Ажа понимала это: они не знают сейчас, как себя вести с этими девочками. Более того, все они не понимают даже, как такое возможно, чтобы ребенку из их деревни была уготована участь стать спасительницей всего Острова. Но и это было еще не все. Женщины переводили свои взгляды с одной девочки на другую: они, поняла королева, пытались угадать, кто же из шести станет той самой, единственной, от чьей жизни теперь зависят жизни остальных людей.

6 Шесть королев

Тем не менее, все получилось даже лучше, чем могла надеяться Ажа. Женщин объединило пророчество. Они с готовностью приняли этот дар колдуньи и Богов, говорящих через нее. Пусть мужчины еще не вернулись. Пусть они не вернуться в ближайшее время. Главное, у них появилась твердая надежда: видимая, осязаемая. Ее можно было потрогать, ее можно было защитить, ей можно было наслаждаться. Шесть девочек превратились в то, что все эти женщины судорожно искали весь день в работе, мыслях, словах Ажи, – объект для оберегания. При этом, никто из них не смотрел на девочек, как на своих детей. О нет. Даже наоборот. На них теперь смотрели, как на детей Короля Острова. Им доверили заботу о будущем всех людей. И как же было приятно, что у этого будущего есть физическое воплощение, о котором они знали практически все. Нужно лишь кормить детей, защищать их, следить за их здоровьем и сном.

Королева приказала освободить дом, ближайший к Залу Совета. Он как раз стоял, повернувшись боком к ее собственному. Там проживала одна из пятнадцати: Эра, жена мастера над рыбалкой. Эра вместе с дочерьми переехала в пристройку к дому Ажи, а в ее собственном жилище расположили шесть пятилетних девочек – надежду Майахрамо и Острова. Было решено приставить к ним шесть служанок, а еще две молодые женщины, вооружившись короткими копьями, постоянно стояли у входа в дом. Но и этого показалось королеве недостаточным. Она приказала, чтобы каждая из пятнадцати членов Совета по очереди проводила ночь вместе с королевами – так она их назвала, рассказывая пророчество Евы – бодрствуя подле девочек и следя, чтобы ничто не угрожало их сну и жизни.

Поскольку лекарь в деревне тоже был мужчиной и отбыл вместе с остальными, его обязанности выполняли две его молодые дочери: Пира и Сайа. Они, конечно же, не владели искусством отца в совершенстве, но все-таки умели многое. Им Ажа также приказала по очереди ежедневно находиться подле шести королев. В конце концов, они всего лишь дети, а дети часто ранятся, падают и болеют. Она не могла допустить, чтобы глупый несчастный случай поставил под угрозу жизнь любой из девочек, а значит и жизнь их племени.

Стены дома выкрасили в белый цвет – цвет смерти – чтобы все в деревне понимали, что в него входить запрещено под угрозой казни. Рядом постоянно горел костер, и женщины-охранники следили за тем, чтобы он не затухал. В Майахрамо появилось второе сакральное здание, помимо Зала Совета, стены которого напротив были много лет назад выкрашены в зеленый – цвет жизни.

Королева, конечно же, поговорила с каждой из матерей шести королев. Станным образом оказалось, что все эти женщины были похожи. Они почти все были одного возраста, все – жены рыбаков, все – тихие, как мыши. Покорность – вот с чем приняли они известие королевы. Ажа рассчитывала увидеть гордость в их глазах, но она ее не увидела, а может быть просто не разглядела. За сегодняшний день, столь длинный и тяжелый, последовавший за такой же трудной и длинной ночью, замылил ей глаза. К вечеру она уже с трудом видела, едва различая черты лиц, окружавших ее. Королева очень сильно устала. Она понимала это, чувствовала своим уже немолодым телом. Усталость накопилась в ее ногах, руках, спине, шее, лбу, висках, языке. Вот и глаза туда же – отказывали Аже в ясности и четкости. Но этот естественный ход вещей, как сегодня, так и в целом, не смущал ее и не заботил. Она всегда ловко подстраивалась под свою надвигающуюся старость ежедневно, меняя свое поведение и пристрастия в течение жизни и в течение конкретного дня. Это было так просто и так должно, что не могло быть иначе.

Все матери, конечно же, согласились отдать своих пятилетних дочерей на попечение Ажи и племени. Они ни на секунду не усомнились в пророчестве, в котором могли бы усомниться,

ведь его всегда труднее принять, если оно касается тебя лично, и, конечно же, еще невыносимо труднее, когда касается твоих детей. Но матери не огорчили Ажу, они не подвели ее: кивали и целовали ее руки. Да, пусть они плачут, пусть, подумала Ажа. Это неплохо. Ведь они женщины, а это их дети. В их слезах нет ничего плохого. Главное, они готовы принять должное, а значит цель достигнута и дальше можно двигаться спокойнее. Впрочем, Ажа не была уверена, что все шестеро понимали, что их девочки – больше не их дочери, что они теперь – дочери племени, дочери Острова, дочери Богов. По крайней мере, одна из них. Но это осознание придет к ним позднее, может быть завтра, и, была уверена королева, оно будет встречено матерями с готовностью. Так же, как сегодня они с готовностью встретили пророчество и разлуку с детьми.

Все девочки, кроме одной, видимо, унаследовали больше от матерей, чем от отцов: они были тихие, спокойные, приветливые и покорные. Лишь одна – Бэка – то и дело куда-то бежала, что-то кричала, смеялась и плакала громче остальных. Она, как и, наверное, ее отец, была больше пчелой, чем цветком. И Ажа, что естественно, сразу подметила это, соблазнившись мыслью о том, не является ли это явственное и разительное отличие Бэки от остальных девочек знаменующим основанием для того, чтобы принять ее за ту самую, единственную, или, по крайней мере, для того, чтобы присмотреться к ней повнимательней. Королева решила остановиться на последнем потому что не подобало сразу принимать очевидные знаки за истину, тем более, что ошибка в такой ситуации может привести к плачевным, ужасным и, скорее всего, смертельным последствиям.

Других девочек звали: Апа, Дана, Рата, Лефа, Фора. Апа была самой маленькой из всех, самой низенькой и худенькой. Личико ее всегда почти выглядело трогательно-доверчивым, лишь иногда искажаясь гримасой недовольства по тому или иному мелочному детскому поводу. На руках она носила старые сережки матери, обернутые в форме браслетов. Это выглядело красиво, но очень не шло ребенку ее возраста. Ажа подумала, что браслеты эти стоит снять. Глазки Апы ничем особенным не выделялись, в них не читалось любопытство, характерное почти для всех детей. В них не было вообще ничего яркого. Дана была красавицей. Уже сейчас Ажа видела в ней будущую красотку, за которую с наступлением у нее первых месячных будут готовы бороться лучшие мужчины племени. И, отметила королева, казалось, что девочка уже сейчас понимает это. В ее осанке, походке и в том, как она говорит читалось поведение будущей красавицы, знающей о себе то, что все видят, и чему многие завидуют. Платице у нее тоже было не детское, скорее оно напоминало уменьшенную копию взрослого платья, одного из тех, что иногда в особые дни надевает женщина, чтобы почувствовать особенный день или вечер, выделить его из череды остальных. При этом Дана оставалась холодно-спокойной и тихой: это даже иногда казалось смешным. Рата была сама серьезность. Она задавала довольно много вопросов, но при этом любопытством это назвать язык не поворачивался. Девочка эта – самая высока из всех – просто хотела знать много и сразу об окружающих ее вещах. Она была умна и любознательность ее шла ее лицу, грубоватому, но в чем-то очень симпатичному. Лефа вела себя тихо, но странновато. Она мало общалась с другими девочками, практически не участвовала в общих играх. Часто можно было увидеть ее худую фигуру, увенчанную копной светловолосых кудряшек, блуждающую неподалеку от остальных – так прогуливаются, когда фантазируют о чем-то, мечтают или строят планы. Ажа сразу поняла, что в отличие от Раты, которая интересовалась миром реальным, Лефу больше занимало ее воображение. При этом, девочка всегда была приветлива и добра к окружающим. Фора же отличалась прямолинейностью и лидерскими качествами. Ее больше всего интересовали игры. Она зачинала их, созывала всех, распределяла роли, а сама зачастую играла несколько сразу. Ажа в последующем часто наблюдала за играми шести королев и заметила, что в игре Фора становится много симпатичнее и умнее, чем она была на самом деле.

При ближайшем рассмотрении становились очевидными различия между девочками. Каждая была особенной по-своему. Каждая имела какие-то черты, нехарактерные для остальных пяти. И в этом, думала Ажа, нет, в конечном счете, ничего удивительного.

7 Майахрамо и измена

Майахрамо – непривычно длинное название для деревни на юге Острова. Здесь, где все имена и наименования редко содержали в себе больше пяти букв, никто не мог объяснить с полной уверенностью то, откуда взялось такое название. Ага как-то рассказывал о том, что его отец слышал от своего отца историю, в которой говорилось, что название это дали деревне те самые чужестранцы, впервые прибывшие столетия назад на Остров. Оно показалось сакральным тогдашнему вождю, и он решил переименовать рыбацкую деревушку. Правда это или нет, Ага не знал. И Ажа тоже не знала, но за неимением иных версий, она всегда держала наготове эту, когда дети ее спрашивали о том, почему так неудобно назван их дом.

В деревне проживало почти пятьсот человек, считая мужчин, женщин и их детей. Практически все занимались рыбалкой или тем, что помогает заниматься рыбалкой: строительством и починкой лодок, сетей и снастей, торговлей, пошивом плотной обуви и одежды, изготовлением специальных ножей для разделки рыбы. Рыбалка не только кормила деревню, но и являлась значительным подспорьем для торговли с соседними племенами. На рыбу выменивали оружие, травы, фрукты, украшения, а иногда и просто – знания.

Ага относился к тем вождям, которые, усердно вверяя себя заботам общества и опираясь на традиции, почитаемые всем сердцем, пекся также и о развитии племени. Он любил приглашать вождей соседних племен и сам часто к ним навещался, чтобы узнать что-то новое, а возможно и перенять что-либо. Впрочем, нововведения происходили редко и осторожно: умный Ага не желал, чтобы его люди часто подвергались изменениям, и чтобы они могли хоть на мгновение подумать, что их мир должен меняться, тогда как – рассудительно полагал Ага – мир не должен, но может меняться. И этой возможностью порой, пусть и осторожно, не стоило пренебрегать. Так в их деревне появились двухместные лодки, деревообработка и настоящий лекарь, который не заменил, впрочем, знахарей, но стал трудиться бок о бок с ними. И последних продолжили почитать также основательно, как и до этого, чем обеспечили их спокойствие.

В целом, можно сказать, что Ага правил крепкой рукой и светлым умом. Люди Майахрамо были довольны, и деревня процветала. Им повезло, всегда думала Ажа, с Агой. Ведь не всегда в их истории, все было так радужно и спокойно. На юге Острова всегда было тепло, летом – жарко. Весной и осенью часто шли дожди и даже многодневные непрекращающиеся ливни. За счет вырубки леса, за много веков у берега образовалась обширная плешь, на которой и раскинулась деревня: две сотни домов, складов и различных построек.

Защитой деревне служила низкая плетеная стена, сплошь усеянная баратай – колючим растением, досаждавшим южанам в лесу, когда они охотились, но таким полезным при обороне от хищных животных, а иногда и от людей. Особенно она помогала от ядовитых змей, которые в этих местах водились в огромных количествах. Змеи путались в барате, пытались вырваться, но лишь плотнее насаживались на шипы и умирали.

У ворот всегда находилось несколько воинов, один из которых всегда дежурил на специально выстроенной башенке – он осматривал выходы из леса. Также, каждое утро с первым же лучом солнца две лодки отчаливали от берега и отплывали вправо и влево на некоторое расстояние, порой, скрываясь из виду. Воины, правившие ими, должны были стеречь подходы к деревне с воды. Сейчас вместо воинов у ворот и в лодках находились крепкие молодые женщины. Пусть они не смогут дать отпор, на который способны мужчины, рассудила королева, но предупредить о приближении беды успеют.

Жители Майахрамо не были воинственным племенем. И хотя мужчины их были сильными и храбрыми, эти сила и храбрость помогали им не в боях, но в ежедневной борьбе с природой за жизнь. Применять их в войне им приходилось столь редко, что воинами в полном смысле этого слова назвать их было никак нельзя. Последняя междоусобная война,

в которой принимали участие мужчины Майахрамо случилась в детстве Ажи. Она едва запомнила те дни. Стычки продолжали несколько недель, и в конце концов все закончилось так же стремительно, как и началось. Королева уже не помнила из-за чего тогда началась война с соседними племенами, а может быть и не знала вовсе. Зачем рассказывать о таком маленькой девочке? Помнила Ажа лишь то, что женщины тогда много и чаще обычного плакали, а также одну стену многих домов выкрашивали в белый цвет – цвет смерти – практически каждый день.

Свои дома рыбаки строили близко к берегу и близко друг к другу. Строили их из прочного дерева. Все они были низкие, одноэтажные. Зачем вообще может понадобиться второй этаж? Если нужно сохранить что-то объёмное, большое – для этого существуют склады и специальные амбары. Если у тебя большая семья – пусть она построит второй дом. В этом же весь смысл: в расширении и развитии. Цветок должен расти.

Вообще, отмечала иногда королева, вода во многом влияет на ум и чувства тех, кто живет подле нее. Тот, кто кормится с воды, зачастую стремится к некой тесноте и узости во всем. Ширина водной глади, объем темной жидкости под днищем лодки – это становится для человека примером того, что такое величие, размах, значительность. И рыбак редко желает такого же размаха и величия у себя дома, под крышей. Нет-нет, он скорее стремится к уюту, теплоте, даже тесноте. В лодке, окруженный со всех сторон водой, а сверху накрытый бескрайним небом, он проводит большую часть дня. Возвращаясь на берег и заходя домой, ему приятно чувствовать близость людей и предметов, приятно задевать их руками и одеждой, приятно чувствовать, что практически все, чем он владеет – вот оно, здесь, на расстоянии вытянутой руки, и за ним не придется нырять, не придется забрасывать сеть и ждать, окруженный слишком великой стихией, чтобы владеть им.

Ажа это очень хорошо понимала. Ага рассказал ей об этом когда-то, и она благодарно приняла это наблюдение, это знание. Ага часто говорил с ней на такие темы, предпочитая избегать разговоров о реальных делах. Ажа не знала почему. Много лет назад их отношения изменились, и с тех пор уже не стали прежними. Ага старательно делал вид, что все идет своим чередом. Хотя, думала Ажа иногда, вдруг он на самом деле просто живет дальше, как раньше? Он ведь мужчина. Ага изменил своей Аже, своей королеве. Изменил, будучи в гостях у чужого племени. Когда она об этом узнала, она не стала рассказывать об этом Аге, не стала винить его. Она не знала на самом деле, как себя вести, и предпочла не вести себя никак, точнее попыталась ничего не делать и не показывать. Но Ага заметил, – конечно, он заметил, ведь он ее так хорошо знал. Тогда он сам ей все рассказал. И королева простила его. Вождь принял прощение, безусловно, как нечто само собой разумеющееся. Он не просил об этом, он этого ожидал о нее, так же как от рыбака ожидают, что он вернется с рыбалки с рыбой, а не с тушей оленя. Но в глубине души, Ажа хранила обиду. Обида эта стерлась от времени, как камень под напором воды. Но так же, как камень, пусть и гладкий, уже не способный нанести увечья неосторожной ноге, никуда не девается, так и обида королевы не исчезла до конца.

Однажды листок бумаги скомкали и выбросили. Потом вновь подняли, расправили и разгладили, но он уже не принял свою первичную форму. Если присмотреться внимательно, с близкого расстояния видны множественные трещинки и сгибы, неукоснительно свидетельствующие о том, что однажды этот листок был выброшен.

8 Мира завидует королевам

К концу дня Ажа заметила, что платье, так неудачно выбранное ей утром, уже не кажется ей столь отвратительным и некомфортным. Даже наоборот, оно словно посвежело на ней за день. Она даже подумала, что, отходя сегодня ко сну, платье это стоит отложить и попросить Бару подать его ей завтра опять. Еще она заметила, что весь день проходила без сережек, чего с ней раньше не случалось, а если и случалось, то она не помнила об этом. Не то, чтобы она была большой любительницей красивых, длинных и звонких украшений в ушах, но так было принято в племени, а она любила следовать тому, что принято. Любила она это не из чувства покорности и не из раболепия перед обществом, ее воспитавшем и окружавшем, но просто потому что она находила традиции, любые, чем-то самим по себе прекрасным, достойным и важным. И так, ей нравились не сами сережки, но то, что от женщины ожидают того, что она их наденет. Ей нравилось удовлетворять эту потребность окружающих людей в том, что она не просто показывает пример, но скорее следует ему. Это опять-таки возвращает нас к основной черте характера Ажи: цветок всегда выигрывает у пчелы.

Вечером Ажа хорошо поела. Впервые за день, еда не была ей отвратительна. Она, конечно, не наслаждалась трапезой, но все-таки ее тарелка опустела. Королева даже позволила себе сделать несколько глотков вина. Мира ела, напротив, плохо. Девочка сидела тихая и серая. Лоб ее был нахмурен. Глаза опущены. Руки двигались нервно. Ажа сразу поняла, что это: дочь была обижена на что-то или кого-то. Это сильно расстроило королеву. Она только то взмыла на пик уверенности и спокойствия, насколько это было возможно после таких ночи и дня, но у себя же дома сразу столкнулась с чем-то отрицательным и неприятным. Нет, это не просто расстроило королеву. Это ее почти разозлило. Почему именно сейчас и именно ее собственная дочь привносит в ее успокоившиеся мысли и чувства сумятицу? Этого королева потерпеть не могла, и она потребовала объяснений.

[Мира рассказывает матери о своей обиде]

Первой мыслью Ажи было рассмеяться и обнять дочь. Но лицо ее хранило серьезность. Потому что, на самом деле, обида Миры означала ни что иное, как непонимание порядка вещей. Это не было непокорностью. За непокорность Ажа даже не стала бы серьезно наказывать. Непокорность – часть характера ребенка. Но нет, вместо непокорности Ажа видела тупое, неприкрытое и опасное чувство ревности. Совет принял пророчество и порядок вещей, матери шести королев приняли его, Ажа приняла его. Племя тоже приняло новый порядок вещей. Но Мира не смогла. Ревность душила маленькую девочку. Ажа попыталась представить себя на ее месте. Как бы вела себя она? Рядом с ее домом мать отводит целое здание в пользование шести маленьких девочек, на которых весь день она и все женщины смотрят с восхищением, благоговением, а кто-то даже с обожанием. Их называют, при этом, королевами, хотя сейчас в племени всего две королевы – жена вождя и их дочь. У девочек этих есть шесть служанок и даже охрана. Стены их дома выкрашены в белый цвет – цвет смерти!

Ажа смотрит то на дочь, то на свои руки, между которых все еще стоит пустая тарелка. Старая Бара не решается подойти, чтобы убрать ее. Она все слышала. Они видит и чувствует, что ее руки сейчас не должны мелькать перед глазами королевы – пусть уж лучше тарелка стоит там, где стоит. Нет, решительно встает Ажа, нет и еще раз – нет! Она бы не стала ревновать, зная, что уготовано этим шести королевам, зная, что говорится в пророчестве, зная, что опасность реальна, как никогда. Для четырнадцати лет – это непозволительно и даже губительно. Это практически предательство, решает Ажа. Иного такого предателя она бы немедленно приказала заточить в тюрьму. Но сейчас напротив нее злится и хмурится ее собственная, единственная дочь. Тарелка летит в сторону, смахнутая рукой королевы. Тарелка звонко падает на пол, и к ней тут же подлетает Бара, что-то мыча себе под нос. За эту долю секунды – пока

летит тарелка – королева успевает принять решение. И звон удара посуды о стену знаменует вынесение приговора. Мире запрещено играть неделю с куклами. Она должна сама готовить себе еду, она должна сама мыть посуду, сама одеваться и умываться. Она не может ходить на озеро, не может плавать, не может кататься на лодке. Но, более того, она должна стирать одежду шести королев всю эту неделю. Мира вот-вот разразится плачем и криками. Ее лицо – гримаса ненависти. Ажа видит это и готовится в гневе усугубить, ужесточить наказание. Но, словно почувствовав это, девочка никнет и выбегает прочь, скрывшись в темноте комнаты. Ажа слышит, как внутри дома хлопает дверь, на которой, впрочем, нет замка, как и на всех дверях в доме вождя.

Ажа еще долго успокаивается. Руки ее трясутся, ноги подкашиваются. Что это – удар в спину? Или же просто перепад настроения ребенка? Но ведь Мира уже не ребенок. И она – не просто ребенок, не просто девочка, она – дочь вождя и королевы. Она должна вести себя подобающим образом. Для Ажи это само собой разумеющаяся вещь. Но, видимо, не для Миры.

Старая, понимающая Бара приносит раздосадованной хозяйке еще несколько глотков вина, и та с благодарностью выпивает приятный напиток. Служанка видит, что королева, еще несколько минут назад, посвежевшая и приосанившаяся, вновь постарела, согнулась – теперь она опять выглядит так же, как этим утром, только еще более уставшей. Ей нужно поспать. Бара почти выталкивает королеву с веранды, хотя та и не противится. Словно в забытии она дает себя раздеть и омыть, ложится на кровать. Ее накрывают красивым расшитым одеялом, слишком большим для нее одной. Она долго смотрит в черноту распахнутого окна, пока наконец усталость и вино не берут свое.

Нет, все-таки это самый тяжелый день в жизни королевы. А ведь она уже не молода.

9 Ажа хочет услышать мнение второй колдуньи

Аже приснился очень дурной сон, и она сидит в задумчивости в том же кресле, в котором провела прошлую ночь. Скоро наступит утро. Королева выспалась. Она давно научилась удовлетворяться четырьмя-пятью часами сна. Этого ей достаточно. Ага спит дольше, просыпаясь уже тогда, когда жизнь в деревне уже кипит во всю.

Аже снились ее сыновья. Ей снился какой-то бой. Она видела, как с горы спускается туман, белый и пушистый. Он – словно огромное подвижное облако. Из тумана здесь и там выскакивали руки, сжимающие луки, копья, ножи и кинжалы. Они ранили людей, отступающих от расплывающегося облака. Среди этих людей были и сыновья Ажи. Они тоже все были ранены. По их голым телам текла кровь из неглубоких порезов. Но порезов становилось все больше, и кровь текла все быстрее. Вскоре все отступающие были красного цвета. Те, кто падал, уже не подымался, но те, кто еще мог бежать, делал это, беззвучно крича от ужаса и страха. Острия, торчащие из тумана, догоняли их спины, резали и кололи. Никакой передышки. Когда младший ее сын, Сай, упал, королева проснулась. Наверное, она кричала во сне, потому что в комнату осторожно вошла Бара с чашкой воды. Старая служанка какое-то время наблюдала за тяжело дышащей королевой, а потом покорно и так же тихо покинула комнату.

Больше Ажа не спала. Она лежала на кровати, пытаясь отделаться от кошмарного сна, продолжающего лезть в ее тяжелую после сна голову. Но у нее ничего не вышло, и она встала. Ажа выпила воды, походила по комнате, посмотрела на гладь озера Шиф и теперь сидит в кресле. Она представляет себе вчерашнюю гостью – птичку, залетевшую к ней на подоконник. Как она выглядела? Кажется, у нее был красивый хвост. Она была маленькая, еще почти птенец. Предвестница беды. Или предвестница пророчества и надежды?

Ажа все еще тяжело дышит. Видеть гибель детей, пусть и во сне, нелегкое переживание для матери. Ажа – хорошая мать, и она очень любит своих детей. Все они, даже Мира, уже выросли. Их не нужно выхаживать, вскармливать, держать за руку и на руках. Но они все еще ее дети, и она не была уверена в том, что это ощущение когда-нибудь внезапно исчезнет. Ажа могла с уверенностью сказать, что любит своих детей больше, чем своего мужа Агу. И не потому что он ей однажды изменил. О нет. Может ли она сама ответить на такой вопрос? Ведь здесь дело не в рассудке, не в голове. И все-таки, она бы не секунды не колебалась, выбирая между любым из своих детей и мужем. Ага – хороший муж, хороший отец, хороший вождь. Но он так и остался чужаком для Ажи. Навсегда остался чужаком. Дети же сразу стали не просто родными ей людьми, что естественно, они стали неотъемлемой частью ее самой.

Сейчас, улучив благодаря раннему подъему, некоторое время для размышлений, Ажа думает о том, что упустила вчера из виду. Упустила она свое собственное желание, которое отодвигала постоянно куда-то за край сознания и чувств. Раз за разом она начинала делать что-то другое, думать о чем-то ином, благо вчерашний день был в значительной степени примером крайней степени такой занятости. Из-за этого одно незначительное желание затерялось и отошло на второй план. Сейчас же королева вновь о нем вспомнила – она хотела пригласить вторую колдунью, проживавшую в их деревне, Кару. Она хотела услышать от Кары, что та видит. Пусть она расскажет. И если Каре ничего не открылось – то почему Ева видит такие вещи и так четко? А если видит нечто другое, то что именно? Кара, в отличие от Евы, иногда ошибалась в своих предсказаниях, но и делала их значительно чаще. Она слыла более приземленной и взбалмошной, скорее чудаковатой, чем наделенной священным знанием. Впрочем, поскольку многие ее предсказания, в том числе и весьма полезные, все-таки сбывались, люди уважали ее и не списывали со счетов, часто обращаясь к ней так же, как они обычно обращаются к знахарям, то есть, – с повседневными проблемами и заботами.

Кара жила на краю леса в сотне шагов от колючей стены, окружавшей деревню. Она сама построила себе небольшую хижину из ветвей и обломков старых лодок, которые ей позволили забрать мастера-плотники. Несколько раз в неделю Кара приходила в деревню, чтобы взять еды или еще что-то, выменяв необходимое ей добро на бусы, лечебные травы или полезный совет. Зачастую она садилась у берега, недалеко от стоянки рыбацких лодок, и к ней выстраивалась целая очередь из тех, кто нуждался в совете или думал, что нуждался в совете. Кара, в отличие от Евы, никому не отказывала, была со всеми приветлива, но иногда выкидывала фокус – могла внезапно ударить просителя, не принять его дар или даже просто встать и уйти домой, не дав человеку даже договорить. Поэтому-то она и слыла чудаковатой и взбалмошной. Ева же, напротив, если и приходила с пророчеством, то ее приход всегда был серьезным, наполненным смыслом и тайной божественного вмешательства в непутевую череду человеческих ошибок. Даже воздух вокруг нее, казалось, менялся. Сама природа порой реагировала на пророчества Евы дождем или даже молнией. С Карой такого не случалось. Ничего не изменялось вокруг нее: ни воздух, ни земля, – природа не замечала ее откровений. Это не уменьшало ее популярности, но в значительной степени сужало диапазон проблем, с которыми к ней обращались люди, проще говоря – сводило его до быта. Ведь не придешь же ты к Еве с вопросом о том, кем лучше стать твоему сыну, или умрет ли твой старый отец в ближайший год, или удачным ли будет улов в следующем месяце. С такими вопросами шли к Каре, и та, следует повториться и настоять на этом, ошибалась редко.

Ажа не могла припомнить, чтобы Кара и Ева когда-либо общались. Они, насколько было известно королеве, вообще никогда и не пересекались. Она лично уж точно не видела их рядом. И это было понятно. Не то чтобы между колдуньями существовала неприязнь, или, тем более, вражда, нет: просто они не встречались и не общались, как не встречаются и не общаются многие люди. И хотя вообразить такое в столь маленькой деревушке было бы странно и почти невозможно, но ведь Кара жила не в деревне: большую часть времени колдунья проводила в своей хижине в лесу, или скитаясь по лесу, собирая травы, или, как поговаривали люди, общаясь с духами. Духов, верили рыбаки, в лесу было предостаточно. Что значит верили? Знали. Сколько рассказов о них Ажа слышала еще ребенком. Многие из этих рассказов оказались, конечно, сказками, как поняла королева, когда подросла. Но все-таки, многие оставались показаниями очевидцев. Кто-то пропадал в лесу бесследно, кто-то приходил сам не свой, а однажды один рыбак вернулся из леса слепым, хотя уходил в него зрячим. А ведь слепоту не подделаешь. Глаза у человека на месте, а не видят. И это не объяснить иначе как нападением негостеприимного лесного духа.

Размышляя о Каре все больше, Ажа уверялась в том, что она желает услышать колдунью. Пусть расскажет, что знает. А вдруг она действительно что-то способна сообщить? Королева позвала Бару и потребовала доставить к ней колдунью. Бара послушно кивнула, словно ждала именно такого указания.

10 Ажа думает о Богах за Гранью

Кару привели ближе к обеду. Стол еще не был накрыт, но Ажа уже была дома. Все утро она провела сначала в Доме Шести Королев, как его теперь называли, а потом в Зале Совета. Королева почти не вспоминала о вчерашней выходке Миры, стараясь занять себя делом, а в свободные минуты думая о Каре и предстоящей беседе с колдуньей. Она поговорит с дочерью сегодня вечером. Или, может быть, завтра. Несколько раз она видела девочку, снующую с понурым лицом по двору: та занималась стиркой детских вещей и даже сама вызвалась помочь с приготовлением еды для королев. Ажа не успела отметить это усердие ласковым взглядом или прикосновением, но она его заметила и запомнила. Может быть, думала она, это и правда было просто помутнение детского ума, и девочка на самом деле, выспавшись и придя в себя, приняла порядок вещей и готова служить ему, как это делают все, включая ее мать.

Сейчас Ажа, покончив с утренними заботами, сидела на веранде и ждала прихода Кары. Когда колдунья вошла в дом, королева не стала вставать со своего места, не стала приветствовать Кару. Вместо этого она попросила всех – Бару и еще двух женщин из Совета, приведших колдунью – удалиться и сразу задала волнующий ее вопрос. Станным образом в этот момент Ажа почувствовала страх. Она испугалась своего же вопроса. Пока он звучал в ее голове все утро, она ничего подобного не испытывала. Но сейчас, против любых ожиданий, королева действительно испугалась. Этот страх поднял ее со своего места, – руки сжались замком на животе так что не разорвать – и тогда Кара заговорила.

[Кара отвечает на вопрос королевы о пророчестве Евы, в котором говорится о возвращении мужчин и пятилетней девочке, которой уготовано стать спасительницей племени и всего Острова]

Когда колдунья договорилась, Ажа снова села. Она стала внимательно изучать женщину, стоящую перед ней. Кара – не старая, даже молодая, наверное. Просто очень грязная и плохо одета. На голове месиво из волос, а не прическа; много седины. Под ногтями – грязь. В ушах – длинные сережки, как и у большинства женщин, но не золотые, и не позолоченные, а деревянные и разные. Так ходили женщины, когда Ажа была совсем маленькой. Королева всматривалась в лицо колдуньи и была практически уверена, что если его отмыть как следует, то миру предстанет весьма миловидная женщина, способная не только расположить к себе внешним видом, но и заинтересовать мужчин. Но, видимо, Кара в этом не нуждалась. Она не походила на сумасшедшую, а значит осознано выбрала свой путь и образ жизни. Или, может быть, подумала Ажа, не просто осознано выбрала, а осознано приняла путь и образ жизни, дарованный и указанный ей кем-то или чем-то, видимым, или невидимым.

Ажа предложила гостье поесть. К ее удивлению, та согласилась. В комнату вбежали служанки. На столе тут же оказались тарелки полные еды и кувшины с водой. Вошла Мира. Девочка замерла на пороге, завидев Кару, но потом быстро улыбнулась и села за стол: ей было интересно поглядеть на Кару. Колдунья улыбалась в ответ, обнажая удивительно белые и здоровые зубы. Как она добивается такой белизны? Думая об этом, королева встала, сама открыла окно на веранде – служанки неловко двинулись в ее сторону, но затем вернулись на место – и вновь села за стол.

Сначала Ажа вымыла руки и лицо, потом это сделала ее дочь. Затем Мира передала таз с водой, украшенной лепестками цветов, колдунье, но та не стала умываться, а сделала нечто совсем странное: зачерпнула грязной рукой воду и выпила, прополоскав предварительно рот. Ажа почему-то улыбнулась, а Мира рассмеялась такому необычному и неожиданному поступку.

Ели молча. Сон пошел королеве на пользу. Она чувствовала аппетит, пища приносила удовлетворение. Кара, кажется, тоже чувствовала аппетит. Она доела свою еду первая и теперь,

не стесняясь, рассматривала комнату, служанок и королеву с дочерью. Ажа подумала, что вряд ли бы ей понравилось такое неприкрытое внимание иной раз, тем более пока она ест, но взгляды Кары почему-то не смущали ее. Наверное, потому, рассудила королева, что в колдунье было что-то на самом деле детское, что-то невинное, на что трудно разозлиться и из-за чего, тем более, смущаться никак не получалось.

Когда женщины доели и стол опустел, королева воззрилась на колдунью с любопытством и какой-то странной тоской, которую она сама определить никак не могла. Она чувствовала тепло. Рядом с Карой почему-то было уютно и тепло, хотя от слов ее, высказанных до обеда, напротив, веяло холодом и неустроенностью, даже, наверное, хаосом. А хаос был нелюбим королевой. Он был ненавидим королевой. Хаос – противоположность всему, что знала Ажа, что видела и во что верила, противоположность даже тому, что Ажа не любила и не принимала: враг всего мира со всеми прелестями и недостатками. Как же все это может быть? Как же такая женщина, как Кара может быть способна так влиять на королеву и ее чувства? Ажа не успела начать поиск ответа на эти вопросы, потому что колдунья встала и, улыбнувшись, но не сказав более ни слова, быстро вышла из дома. Королева подошла к окну – служанки вновь неловко замялись на месте – и долго провожала взглядом удаляющуюся Кару: длинная, грязная одежда колдуньи то и дело цеплялась за кусты, но чудаковатая женщина не обращала на это внимания. Аже показалось даже, что сорвись сейчас с колдуньи платье целиком, застряв в ветках, та просто пошла бы дальше нагая.

Королева поняла, какой образ пытался сейчас прийти ей на ум – исход Богов. Если и можно себе вообразить бегство Богов за Грань после Ослепления, то она хотела бы представлять его именно так. Теплые, всевидящие, добрые, но абсолютно не способные к жизни среди смертных людей и природы, их окружающей: грязные и в лохмотьях – чистые внутри. Впрочем, колдунья Богом, насколько могла понять Ажа, не являлась. Она рассмеялась этой мысли, но сразу прикрыла себе рот. Разве смогла бы она узнать Бога, если бы он объявился среди людей? И, потом, разве чудо происходит там, где в нем не нуждаются? Богом, считала королева, самолюбование не свойственно, а значит и чудеса – признак болезни. И если уж одно из них происходит рядом, то стоит кричать об этом во весь голос, чтобы слышали все люди: так же как стражник, наблюдающий лес со своей башенки, предупреждающе кричит, завидев врага.

Когда королева отвернулась от окна, Миры уже не было. Стол опустел, и служанка Бара с готовностью смотрела на хозяйку.

11 Одна из шести королев погибает от рук Миры

Ажа решила провести вторую половину дня в обществе шести королев. Она все-таки сменила свое платье, хотя с утра облачилась во вчерашний наряд, как и собиралась. Теперь на ней была длинная туника до пят с глубоким вырезом на спине. Она также надела новые сережки, сделанные из более легкого железа и покрытые золотом – они звенели по-особенному, и Аже нравился этот звук.

Королева совершила короткую прогулку к озеру в сопровождении служанки Бары. Вчера она себе этого не позволила, хотя такая прогулка обычно всегда была частью дня королевы. Ажа шла между низких уютных домиков, провожаемая взглядами старух, женщин и девочек. Сама она отвечала на их взгляды ответным взглядом, полным искреннего любопытства: вот, значит, как – жизнь все-таки продолжается. Кому-то она даже кивала, и те кланялись ей в ответ. Вчера королева видела лишь пятнадцать женщин, чьи мужья входят в Совет. Она, так и не выбравшись на прогулку, не могла иметь никакого впечатления о том, как живет большинство в отсутствие мужчин. Впрочем, и сейчас она не могла точно составить такого впечатления. Но все же она сделала важное наблюдение – жизнь не прекратилась. И не только для Совета, шести королев и самой Ажи, но и для всех остальных жителей, а точнее – жительниц Майхрамо. А чего она ожидала? Конечно, исход мужчин не мог в тот же миг разрушить устоявшийся уклад жизни. Здесь также следует отметить, что до этой прогулки королева вообще особенно и не задумывалась о большинстве. Она думала лишь о себе, о таинственном культе, не только заставившем удалиться мужчин, но и грозящем всему Острову; она думала о Совете, дочери, пророчестве и шести королевах, одна из которых должна их всех спасти. То есть, ее занимало на самом деле то, что находится на вершине восприятия вождя, о том, о чем стал бы думать Ага. Периферия ускользнула от нее. Она даже словила себя сейчас на мысли, что забыла вчера о самом существовании остальных людей. Вчерашний день сжал ее мир до трех домов: ее собственного, Зала Совета и Дома Шести Королев. Эта мысль удивила и немного смутила королеву. И теперь Ажа кивала встречающимся женщинам чаще обычного, подбородок опускался ниже обычного, и даже рука ее несколько раз взметнулась в приветственном жесте, чего уж точно никогда раньше с ней не случалось.

Нет-нет, это не был выход королевы, стремящейся успокоить народ, показать ему, что вот она, все еще жива, здесь, на месте, что у нее все под контролем, и все будет хорошо. Нет, эта прогулка странным образом превратилась в знакомство с чем-то новым: Ажа словно бы заново и впервые вышла в свет. Так, наверное, выходит на прогулку девушка, которую выдали замуж за вождя в соседнем племени. Она никого не знает, ей все чуждо и незнакомо. И вот в первый же день после свадьбы, она уже в чине королевы выходит в свет и осматривает новые владения, новые лица своих подданных. Она еще не скупа на жесты и знаки внимания. Ей еще не чуждо зачаточное самолюбие, которое, будучи недостаточно отполированным временем и бременем власти, стремится больше наружу, чем внутрь. Она даже идет медленнее обычного – потому что и дорога ей не знакома, и еще не совсем ясно, сколько времени она может и должна уделить тому, чтобы вот так – взглядами, жестами, осанкой и походкой – молчаливо провести беседу со всем племенем.

Словив себя на этих мыслях, королева смутилась. Она действительно ощущала себя той самой молодой женой вождя. И хотя лица вокруг, дома и сама дорога были привычны и знакомы, она не могла отделаться от ощущения, что все вокруг все-таки изменилось: резко, стремительно и почти окончательно. Да, жизнь продолжается, но какая? Новая, поняла Ажа, это новая жизнь. Вчера был установлен новый порядок вещей, и едва ли она могла ожидать, что это не повлечет за собой стремительное изменение в жизни всех людей. Словно бы во всем что-то немножко сдвинулось: в каждой черточке на лице той или иной женщины, в каждой

складке платьев, в каждой доске, из которых были сделаны их дома, в каждом камне, торчащем в земле. Чуть-чуть, едва заметно, но все-таки изменения коснулись абсолютно всего. Только ветер дул все так же. И небо было таким же чистым, как всегда.

Озеро Шиф предстало взору королевы. Редко когда оно покрывалось волнами, да и тогда – не надолго. Гладкая поверхность воды успокаивала Ажу всегда, когда она смотрела на нее. Впрочем, она никогда специально ради этого не приходила сюда. Нет, она точно не помнила ни одного случая, когда бы ей вздумалось прийти к озеру специально, чтобы успокоить ум или чувства. Но все-таки, когда она приходила, некоторое успокоение бывало ей даровано практически каждый раз, стоило ее взору задержаться на воде хотя бы несколько минут.

Ажа никогда в своей жизни не рыбачила, но знала о рыбалке все. И не рыбачила она не потому что это не женское дело – в Майхрамо им занимаются и женщины. Просто ей это не нравилось. Сидеть в лодке, тащить сети, мокнуть, держать скользкую, еще живую рыбку в руках, починять снасти – все это казалось ей понятным, родным, но невероятно не интересным, когда дело доходило до самой работы. Она могла часами наблюдать, как рыбачат другие, могла и любила с упоением слушать реальные истории или сказки о рыбаках и рыбах, могла даже сама размышлять об этом искусстве наедине с собой. Но брать в руки сети, отталкиваться ногой от берега и плыть, бить рыбу молотком по голове: в действии Ажа тут же теряла интерес.

Королеву никогда не смущала эта ее почти физиологическая неспособность к труду рыбака. То, что показалось бы неестественным и даже противоестественным для любого обычного жителя рыбацкой деревни, для нее – королевы – было простительным. Люди не задумывались о том, что Ажа может или не может рыбачить, любит или не любит это дело. Она была королевой, и не должна была этим заниматься. Это было понятно всем. Эта общественная побрякушка, впрочем, никогда ранее не приходила в голову Ажи. И она продолжала не любить рыбалку не из-за статуса королевы, но просто из личных предпочтений. Так обе стороны – народ и ее королева, не догадываясь о не высказываемых даже самим себе мотивах – заключили соглашение. Сейчас, накопив с возрастом огромный опыт, Ажа понимала, что на таких вот не проговариваемых, невидимых, почти несознательных соглашениях во многом и строится не только общество и племя, но и жизнь в принципе. Ее это устраивало, она не любила долго рассуждать о вещах, которые происходят таким вот образом – когда они просто есть. Однажды уверившись в чем-то таком – объективном и невысказанном в голос, – она словно кивала сама себе и шла дальше.

На берегу сидело несколько десятков женщин. Они обедали, но, увидев королеву, встали и наблюдали. Ажа поняла, что они только что вернулись с утренней рыбалки. Кто-то из них занимался ей всегда, но наверняка кто-то вышел сегодня на озеро впервые, поняв, что мужчины не вернуться в ближайшее время, и им предстоит все делать вместо мужей, отцов, братьев и сыновей. Каков был их улов? Достаточно ли его будет для того, чтобы прокормить племя? Вчера Эра, жена мастера над рыбалкой, пообещала королеве, что сделает все возможное, чтобы уровень улова был соответствующий. Эра нравилась королеве. Будет обидно, если она не справится. Она не хотела наказывать такую стойкую, красивую, многодетную женщину. Во многом Эра напоминала Аже ее саму. Она не могла объяснить себе это ощущение, тем более, что внешне женщины были не похожи. Но что-то во взгляде, что-то в движениях, и особенно в поведении напоминало Аже о самой себе: Эра была так же скупа на эмоции, так же властна и немногословна, так же самоотвержена. Муж ее был стар, он скоро умрет. Но, Ажа была в этом уверена, женщина не останется надолго одна. Хоть ей уже давно за сорок и пусть у нее шестеро детей – в ней было нечто такое, что не позволяло пока что времени уничтожить красоту и силу. Это привлечет к ней много мужчин, даже много моложе ее самой.

Королева подошла к женщинам-рыбакам. Кивнула им и заглянула в корзины с уловом. Они не были полны, но все-таки рыбы было много: корзины были заполнены больше чем наполовину. Ажа улыбнулась рыбакам и попросила несколько рыбин. Старая служанка Бара

с готовностью приняла предложенные в дар рыбешки, завернутые быстрыми и ловкими руками в широкие ярко-зеленые листы той самой колючей бараты. Рыбьи головы торчали и глазели застывшими ягодами на своих новых хозяев.

Прогулявшись вдоль берега еще немного, королева решила – пора. Вместе с Барой они отправились в обратный путь, который в этот раз Ажа проделала быстро и почти стремительно. Старая служанка едва поспевала за ней и даже уронила один раз рыбу на землю – одна из них подпрыгнула от удара, оказавшись еще живой.

Уже издалека, только завидев Дом Шести Королев, Ажа поняла, что случилось что-то плохое. Приблизившись, она увидела несколько женщин из Совета, держащих за руки ее дочь, Миру: та пыталась вырваться и зло шипела на них, выкрикивая имена матери и отца. У входа в Дом стояла Эра и Иса – жена начальника над охраной. Они о чем-то общались с девушками-стражниками, неловко опиравшимися на свои короткие копья. Королева, остановившись на мгновение, быстро проследовала мимо всех женщин, тут же умолкших при ее появлении, внутрь Дома. В светлой, залитой солнцем, комнате было пусто. Только мертвое тело лежало у стены, на которой блестело кровавое пятно. Это было мертвое тело девочки. Ажа подошла ближе и склонилась над трупом. На руках девочки блестели сережки-браслеты. Это была Апа, самая маленькая из шести королев. Глаза ее были все еще открыты, но в них ничего не было, никакой застывшей эмоции, только мертвая пустота. Так смотрят в одну точку, когда мысли витают где-то далеко.

Ажа не увидела никакой раны. Тогда она немного повернула девочку. Под затылком обнаружилось еще одно пятно крови. Видимо, кто-то толкнул Апу, подумала она, и та ударилась о стену головой. Когда королева вернула мертвое тело не место, она вдруг заметила, что глаза девочки смотрят как-то иначе, чем ей сначала показалось. В них вдруг появилось что-то неприятное, темное. Не страх, не ужас, не гнев, а какая-то неотвратимость. Где бы сейчас не находилась Апа, глаза ее видят сейчас что-то, приближение чего невозможно избежать.

12 Еще одна бессонная ночь королевы

Ажа прорыдала почти всю ночь. Миру она приказала запереть в тюрьме, расположенной в специальном доме, выстроенном недалеко от Зала Совета. Дом этот сейчас пустовал, так как в него обычно попадали мужчины, а приказ явиться всем мужчинам не предполагал исключений даже для тех, кто совершил преступление. Королева видела, как их выводят из тюрьмы со связанными за спиной руками. Она видела их распрямившиеся тела и горящие глаза. Исход мужчин, всеобщий созыв – он скорее ободрял этих преступников, потому что сулил им шанс. Их связанные руки чесались в надежде заполучить оружие и вместе со всеми ринуться на врага, очистив себя кровью, искупив вину перед племенем. Их было совсем немного, всего пятеро. Впрочем, деревня их была мала, и преступления случались весьма редко.

Сегодня ночью там находится только Мира, ее дочь. Она одна, она наверняка не спит, плачет. Хотя сейчас Ажа уже не была уверена в том, что понимает свою дочь. Она не была уверена в том, что может представить ее, представить ход мыслей девочки, ее настроение и состояние. Неужели она так плохо знала собственную дочь? Как она могла не заметить то, что, видимо, всегда находилось в Мире и что так ярко проявилось в ней в предыдущие два дня.

Аже было невероятно горько и плохо. Она рыдала и не могла остановиться. А когда ей все-таки удавалось на мгновение прийти в себя, заставить себя встать, выпить воды, то слезы тут же снова возвращались, словно их источник был бесконечен и неисчерпаем. У нее разболелась голова, скулы и горло. Бара не показывалась, но Ажа знала, что старая служанка где-то там, за дверью, ждет своего часа, когда хозяйка решит ее призвать к себе, впрочем, не решаясь самостоятельно вмешаться в горе матери, выдвигая на первый план горе королевы, которому в отличие от первого, мешать не стоило.

Убийство в Майхрамо, как и почти во всех племенах на Острове каралось смертной казнью. И Ажа понимала, что Мира, будучи уже взрослой женщиной – у нее появились месячные – должна ответить за свой поступок так же, как ответил бы любой другой житель их племени. Ажа понимала это, но не могла принять. Как это – убить своего собственного ребенка? А ведь Мира еще действительно ребенок. Пусть ей четырнадцать лет, пусть она созрела уже для замужества, но по сути – и все видели это и могли подтвердить – девочка была все еще ребенком. Она капризничала, хныкала, стучала ножкой, по-детски кривила личико: она была ребенком. Как она может убить собственную дочь?

Конечно же, казнь приводили в исполнение мужчины. В Майхрамо практиковали два способа лишения жизни: усекновение головы и яма со змеями. Первая смерть даровалась тем, чьи проступки не вызывали ужаса, оторопи, страха. Вторая практиковалась тогда, когда виновный совершил нечто, что выходило за рамки понимания: за особенную жестокость. В первом случае преступнику давали даже возможность попрощаться с родными, после чего он быстро умирал. Во втором случае смерть наступала не быстро. Сначала от укусов змей человек слеп. Потом наступал паралич. И лишь спустя несколько часов виновный задыхался.

И хотя королева понимала, что ее дочь может в данном случае надеяться на быструю смерть под лезвием ножа, ее воображение почему-то рисовало вторую казнь. Она ярко представляла себе во всех красках, как Миру бросают в яму, накрывая решеткой, сплетенной из толстых прутьев и колючей бараты. Яму накрывали, чтобы преступник не смог выбраться, ведь в критической ситуации и под угрозой смерти, человек способен на многое, в том числе и на, казалось бы, физически невозможные вещи. Преступник мог, к примеру, невероятно высоко прыгнуть, или, ломая ногти и пальцы, вгрызаясь в стены ртом, карабкаться вверх, спасаясь от смерти. Но колючая решетка не позволяла ему выбраться. Рано или поздно, даже те, кто умудрялся забраться по стене, теряли силы и падали вниз, уже больше не поднимаясь. И вот,

Ажа видела, как ее дочь мечется из стороны в сторону, пытаясь скрыться от змей. Но те – повсюду. Они прыгают на девочку, раз за разом нанося свои ядовитые укусы.

Под утро королева немного успокоилась. Она придумала решение, пусть временное, но все же решение. Смертный приговор в Майхрамо имел право вынести только вождь. Даже Совет не имел на это права. Только Ага всегда решал, кто и как должен умереть, а кто – понести наказание в тюрьме. Решению Аги всегда предшествовал суд, на котором перед Советом и вождем представляли виновный, свидетели и родственники пострадавшей стороны. В этом, решила Ажа, и заключается ее спасение. Не спасение дочери, конечно, но ее личное спасение. Она могла воспользоваться этим, чтобы оттянуть решение о казни Миры. Ведь она – не вождь. Она всего лишь его королева. Днем, на суде, она скажет Совету об этом. Она скажет, что им стоит подождать возвращения мужчин и возвращения Аги. Когда тот вернется, пусть он решает судьбу девочки, пусть вождь решает, предавать свою дочь казни или нет.

Королева понимала, что Совет все поймет. О да, женщины все поймут. Все они – матери. Все они прекрасно почувствуют ее страх и ее горе. Они почуют их. И даже более того – они, почти наверняка, будут ее обвинять в таком решении. Кто-то, если не все пятнадцать, обвинит ее в слабости, в предвзятом отношении к убийце. И хоть вряд ли кто-либо решится высказать такое обвинение вслух, Ажа готовилась к тому, что прочтет этот ужасный и законный упрек в глазах женщин. Кто на их месте поступил бы иначе? Разве хоть одна мать на свете могла поступить иначе и не ухватиться за эту соломинку? Конечно же, нет! Но они, члены Совета, не будут думать об этом, когда червь сомнения и презрения жадно и неумолимо поглотит первичную жалость, и поселится в их душах. Да, королева была готова к этому. Пусть обвиняют ее, пусть смотрят на нее с вызовом. Ее авторитет наверняка пострадает от ее решения, но она все равно сделает это – не позволит им прикоснуться к Мире до прихода Аги. По деревне наверняка поползут слухи. К этому тоже следовало подготовиться.

Но было еще кое-что, что делало ее состояние более плачевным, а слезы еще горше. Это – смерть Апы. Погибла одна из шести королев. И погибла девочка тогда, когда никто не знает, кто именно из шести – избранная. Что из этого следовало? Из этого следовало то, что надежда, дарованная им два дня назад в виде пророчества Евы, утратила свою силу. Она словно бы обесценилась. Сама вероятность того, что Апа могла быть избранной превращала в прах мысль о том, что та все еще жива и находится среди оставшихся пяти девочек. И если это так, если надежда мертва, то что теперь делать?

Королева быстро поняла, что выбора у нее на самом деле нет. И ни у кого нет. Порядок вещей должен быть сохранен. Она и все остальные должны жить и вести себя так, как будто бы Апы никогда и не было, будто всегда было лишь пять королев. Нужно убедить себя и всех, что избранная – именно среди этих пяти, что она не могла бы так просто умереть от руки Миры, четырнадцатилетней девочки. Избранные так не умирают. Ажа знала, что люди слабы, и что они примут это. Во-первых, большинство действительно согласится с тем, что пророчество Евы не могло говорить о той, чья жизнь могла быть оборвана столь глупым и почти случайным способом. А во-вторых, они не захотят отказываться окончательно от дарованной им надежды. Пять живых королев – этого будет для них достаточно. Да, и так нестабильная почва еще больше расшатается у них под ногами, но постепенно люди, которым свойственно подстраиваться под любые беды, смиряются. Они забудут об Апе, вытеснят ее из памяти. Впрочем, осознавала Ажа, то, что человек насильно выдворяет из своей головы, как слишком болезненное и доставляющее боль душевную, будучи вскрытым снова может оказаться смертельным. А уж если это касается не одного человека, а общины, всего племени, то такое повторное вскрытие может привести к тому самому хаосу, который так ненавидела королева. Гибель, вот что значило бы такое событие.

Королеве рассказали, что Апа пожаловалась Мире на то, что та недостаточно хорошо выстирала ее любимое платье. Апа, которой было всего пять лет, не хотела разозлить дочь

королевы, но Мира все равно разозлилась и толкнула малышку в ответ. Так умерла Апа. Ее нужно оплакать и красиво похоронить, но без особенных ритуалов. Ничто, даже похороны, не должно напоминать людям о том, что в землю, возможно, кладут избранную, без которой Остров скоро утонет в смертоносном тумане, пришедшем с севера.

Последние несколько предрассветных часов измученная королева пролежала в полудреме на кровати, которая была слишком большой для нее одной, натянув такое же большое одеяло до самого подбородка. Старая Бара несколько раз заглядывала к хозяйке, но каждый раз, убеждаясь, что глаза Ажи закрыты, тихо запирала дверь.

13 Суд

Королева долго готовилась перед выходом из дома. Она так и не смогла проглотить ни одного куска еды, приготовленной Барой с особенной заботой. Старая служанка, видимо, решила, что в таком состоянии ее хозяйке просто необходимо видеть перед собой еду более красивую, чем обычно, ярко пахнущую. Но Ажа лишь пила воду и почти все время смотрела на необычно пустующее место перед собой – там всегда сидела ее дочь, Мира, которая сейчас ожидает своей участи в тюрьме. По традиции племени, главное место за столом, прямо напротив двери, всегда занимал отец, глава семьи. По бокам сидели его дети, и, наконец, спиной к двери, в самом уязвимом месте сидела Ажа. Она по какой-то причине не стала занимать место мужа, когда он ушел вместе со всеми мужчинами и их сыновьями. Она также не стала садиться на другое место сегодня, когда и Миру забрали у нее. Так она и сидела сейчас одна за длинным пустым столом, спиной к двери. Служанки были бледны. Их потерянные глаза то и дело бросались на королеву с жадностью, словно моля о приказе, о каком-то срочном деле, которое позволит им убежать с этой пустой веранды, из этого тяжелого воздуха. Лишь старая, верная Бара выглядела надежной, как всегда. Иногда Аже казалось, что ничто не может сломить эту каменную женщину, всю свою жизнь посвятившую служению Аже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.